

Три страны значатся на эмигрантской карте Марины Цветаевой: Германия, Чехия, Франция, и каждая из них оставила как светлые, так и горестные воспоминания.

Милые спутники

Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.

Данте

Марина Цветаева и семья симбирян Чириковых

Мысль о вынужденной эмиграции для Марины Цветаевой возникла с появлением в её доме Ильи Эренбурга 14 июля 1921 года, доставившего благою весть, что её муж Сергей Эфрон жив и находится в Чехии. Цветаева, переполненная бурей чувств, восклицает: «Жив и здоров! / Громче громов / – Радость!» И сразу же принимает окончательное и бесповоротное решение – ехать.

27 февраля 1921 года Цветаева пишет: «Серёженька, умру ли я завтра, или до 70 лет проживу – всё равно – я знаю, как знала уже тогда, в первую минуту: Навек. – Никого другого. – Я столько людей перевидала, во столько судьбах перегостила – нет на земле второго Вас, это для меня роковое. <...> Я от всего мира заграждена – Вечно!» [1, с. 236].

11 мая 1922 года от перрона Павловского вокзала в Москве отходит поезд, среди пассажиров находились Марина Цветаева и её девяти-

Марина Цветаева, Аля, Сергей Эфрон.
Чехия

летняя дочь Аля. 15 мая они были уже в Берлине. Её муж, Сергей Яковлевич Эфрон, участник Белого движения, в это время находился в Праге. Чешское правительство Масарика предложило русским беженцам уют, денежное пособие и возможность продолжения учёбы. Так Сергей Эфрон стал студентом Карлова университета.

Однако в Прагу из Москвы было ехать невозможно: дипломатических отношений между Советами и Чехословакией тогда не существовало. Единственным реальным местом встречи оказался Берлин. 7 июня 1922 года наконец-то состоялась встреча супругов после четырёхлетней разлуки. Эту дату сохранила дарственная надпись, сделанная Цветаевой на сборнике стихов «Разлука»: «Серее. Берлин, 7-го нов. июня 1922 г.

День встречи. Марина». Было решено, что жить будут в Праге. Главное: живы и нашли друг друга.

В Берлине «Марина скоро пере-знакомилась со всеми, – записывала Аля в дневнике, – а подружилась, как всегда, немногими и ненадолго – с художницей Любой Козинцевой, женой Эренбурга, с другой художницей, ученицей Билибина, Людмилой Чириковой (дочерью известного в свое время писателя)...» [2, с. 125].

Так началось знакомство Цветаевой с семьёй писателя Евгения Николаевича (1864–1932), имевшего симбирские корни. Его дочь Людмила, Чирикова (1896–1995) – талантливая художница. Во время Октябрьской революции она находилась в Москве с родителями и младшей сестрой Валентиной (Чирикова-Ульянищева, 1897–1988). Весной 1918-го выехала с ними в Крым, на семейную дачу в кооперативном имении Батилиман, где занималась графикой под руководством Ивана Яковлевича Билибина – соседа по даче и давнего знакомого отца. Они вместе ходили на этюды и гуляли в окрестностях Батилимана. В Крыму Билибин впервые обратился к портретному жанру. Созданный им «Портрет Л.Е. Чириковой» (1919, частное собрание, Нью-Йорк) является одним из лучших произведений художника. Задумчивый взгляд, свободный покрой платья, цветов в руках передают нежность и очарование молодости. Каждый штрих художника говорит о его чувствах к своей ученице. Из воспоминаний Людмилы Чириковой: «Когда я познакомилась с Билибиным, могу сказать, что это произошло очень давно в Петербурге. Иван Яковлевич был большим другом моего отца – писателя Евгения Николаевича

Портрет Людмилы Чириковой.
Худ. И.Я. Билибин. 1919

Иван Яковлевич Билибин
(1876–1942)

Чирикова. Отец водил нас показывать рисунки и книги Ивана Яковлевича. Когда я еще была девочкой с косичками (Билибин старше меня на 20 лет), но я уже тогда интересовалась искусством. Но особенно мы сдружились, конечно, в трудное время войны и революции в Батилимане, где наша семья, как и Иван Яковлевич, имели дачи. Билибин и раньше приезжал туда с красивой молодой художницей Рене О'Коннель. И мы дружно ездили на этюды, занимались графикой. Но в это трудное время он приехал в Батилиман уже один, холостяком, и был очень занят работой. Тогда же он сделал карандашные портреты моего отца, моей старшей сестры и мой в 1919 году».

В феврале 1920 Людмила эвакуировалась вместе с сестрой Валентиной и Билибиным из Новороссийска в Египет. Была спутницей художника сначала в Александрии, где познакомилась с семьёй симбирянина Ивана Павловича Умова, с которым дружил Билибин, затем в Каире помогала художнику в работе над большими заказами по декорированию дворцов и церквей. Рисовала образцы старинной керамики Арабского музея в Каире для музейного издания. В апреле 1922 Людмила переехала к отцу в Прагу, а оттуда – в Берлин, где сотрудничала с издательствами, исполняя обложки для книг.

О своём знакомстве с Цветаевой Людмила Евгеньевна писала: «Моя судьба столкнула с Мариной Цветаевой в 1922 году в Берлине. Я приехала туда из Египта, где провела два года в Каире после бегства из России. Мне посчастливилось тогда сотрудничать (в частности, заниматься графикой)

с моим учителем, художником Билибиным. В Берлине в эти годы русская литературная жизнь была очень оживлена, было много русских издательств, выходили газеты, несколько журналов. Я сразу включилась в работу делать обложки и шрифты для издательств. В том числе я сделала цветную обложку и заставки для поэмы М. Цветаевой «Царь-Девница». Мне кажется, сблизило нас с Цветаевой одинаковое мироощущение, что кругом всё не так, как нужно, нереально, а значит, есть что-то другое, настоящее. Очень скоро Марина Ивановна со своей дочерью Алей уехала из Берлина в Чехию, к мужу Сергею Эфрону. <...> В Берлине мне пришлось тогда выполнять ряд поручений для Марины Ивановны с издательствами» [СС6, с. 309].

Общение с Людмилой Евгеньевной продолжится позднее в письмах. 4 августа 1922 года Цветаева писала: «Пока – два слова. Еще не устроились, живем в Мокрых Псах, в чужой комнате. Сегодня переезжаем к леснику. Это очень высоко, совсем в горах, в солнеч-

ную погоду будет прекрасно. Ваших видела два раза. Вы не похожи ни на сестру, ни на брата. Вы старше (внутренне), более выявлены» [СС6, с. 301].

В письмах Цветаева неоднократно обращается к Людмиле Евгеньевне с просьбами, иногда бытовыми, например, купить ей немецкие башмаки (Bergschuhe), встретиться в Берлине с Абрамом Вишняком и передать просьбу Цветаевой о возвращении её рукописей. Так, в письме от 4 апреля 1923 года Цветаева убедительно просит Людмилу Евгеньевну нанести визит Сергею Михайловичу Волконскому, посылая ей 20 франков на шоколад для «очень одинокого человека»: «Это моя лучшая дружба за жизнь, умнейший, обаятельнейший, страннейший и – гениальнейший человек на свете. <...> Подружитесь с Волконским! <...> Это большая духовная ценность...». В этом же письме читаем слова благодарности, обращённые к Людмиле Евгеньевне: «Моя дорогая умница, моя нежная умница, мне никогда не стыдно Вас просить, мне

Валентина Евгеньевна Чирикова, Евгений Николаевич Чириков, Георгий Евгеньевич Чириков, Валентина Григорьевна Чирикова, Новелла Евгеньевна Чирикова. В центре – Наталья, дочь Новеллы. Вшеноры (близ Праги). 1923

только жаль, что Вы никогда у меня ничего не просите.<...> Я вас очень люблю, знайте это. Вы во всем настоящая, я всегда говорю С<ереже> – если бы Людмила Евгеньевна здесь была. Я была бы вдвое счастливее!..» [СС6, с. 302–305].

В письме к Роману Гулю Цветаева признавалась, что «вообще, у меня в Берлине, с отъездом Л.Е. Чириковой, нет друзей: никого» [СС6, с. 516]. А в одном из писем к ней она выводила формулу своего душевного состояния: «Душа от всего растёт, больше всего же – от потери».

1 августа 1922 года Цветаева с дочерью прибывают в Прагу, и начинается жизнь в Чехии со своими радостями, лишениями, неустроенностью быта. Отсутствие средств заставляет Цветаеву с семьёй поселиться в деревне, близ Праги. Они ещё не знают, сколько деревень, изб придётся сменить им в поисках жилья, какая неустроенность их ждёт. Одно радует Цветаеву – природа, возможность совершать длительные пешие прогулки: «Шум наддувающихся и проносящихся ручьев, – этого слова я искала вчера, проходя темным вечером по деревне. Черный стов перкви, запах березового лыка (размоченных ливнями плетней), под ногами вязь, грязь, – справа и слева, вдогон и в обгон – шум наддувающихся, шоропящихся и проносящихся ручьев» [5, с. 116].

Огромным событием для всей округи стало рождение сына Марины Цветаевой. Когда утром 1 февраля начались роды, Цветаева отказалась ехать в больницу в Прагу. «Знаю, что до станции не дойду, несмотря на все свое спартакство, из-за частых болей – не дойду. Началась безумная жанка С<ерега> по Вшенорам и Мокропшам. Вскоре комната моя переполнилась женщинами и стала неузнаваемой. Чириковская няня вымыла пол, всё лишнее (т.е. всю комнату!) вынесла, облекли меня в андреевскую ночную рубашку, кровать выдвинули на середину...». Цветаева в тетради перечислила всех присутствовавших при родах женщин, рассказывая подробно о каждой из них: «У Георгия было семь нянь: волчиха-угольщица, глядящая в леса, А.И. Андреева, В.Г. Чирикова, Муна Булгакова, Катя и Юлия Рейтлингер. Чешка – цыганка – жанка – татарка – и две немки. Валентина Георгиевна Чирико-

Марина Цветаева
с Ариадной Эфрон. 1924

ва (актриса, волжанка) кокетничала, как всегда, со всеми и всем, старая актриса просто – играла: в молодую мать (это я без злобы, она и молодой матерью будучи – играла, доигрывала) в молодое материнство, всё равно чье, ее или мое... А он хорошенький! Почти что – горбоносый! А ноздри! ноздри! Прямо – Шаляпин...» [3, с. 332–333].

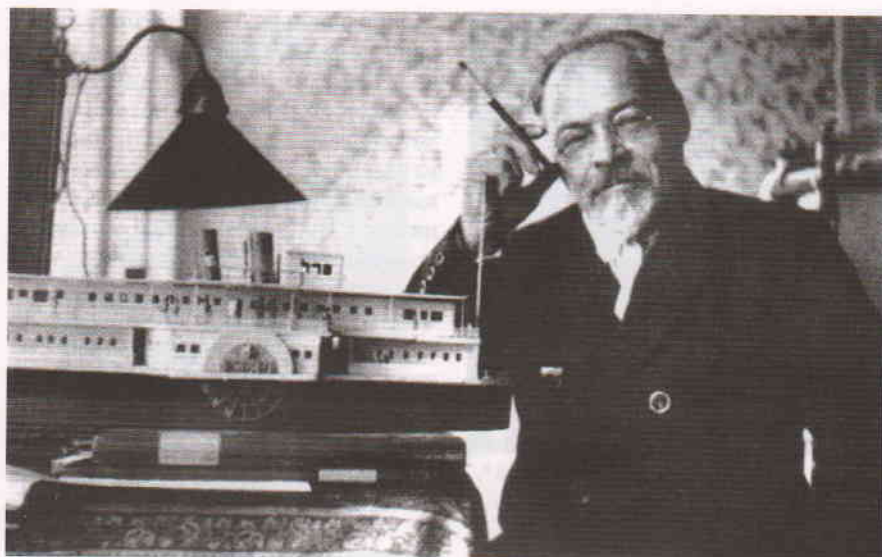
И в эти же дни в письме к Анне Антоновне Тесковой, ставшей верным и надёжным другом Цветаевой вплоть до отъезда в Россию, она пишет: «Большая просьба, м.б., нескромная: не найдется ли у кого-нибудь в Вашем окружении простого стирающегося платья? Я всю зиму жила в одном, шерстяном, уже расползшемся по швам. Хорошего мне не нужно, – всё равно нигде не придется бывать – что-нибудь простое. Купить и шить сейчас безнадежно: вчера 100 крон акушерке за три посещения, на днях 120–150 крон угольщице за 10 дней, залог за детские весы (100 крон), а лекарства, а санитария! – о платье нечего и думать. А очень хотелось бы что-нибудь чистое к ребенку» [с. 23–24].

Несмотря на множество проблем, Цветаева была счастлива. 10 мая 1925 года в письме Ольге Елисеевне Колбасиной-Черновой сообщает подробно о сыне и пишет слова, которые, несомненно, очень дороги для каждого русского человека: «И еще о России, о том, что Россия – в нас, а не там-то или там-то на карте, в нас и в песнях, и в нашей русской раскраске, в раскосости глаз и во всепрощении сердца, что он – через меня и мое песенное начало – такой русский Мур (домашнее имя сына Георгия. – Н.В.)...» [СС6, с. 742–743].

Во Вшенорах, наискосок от лавки пана Балоуна, стояла красивая «Вилла Боженка» – большая, вместительная дача. Её снимали пополам многодетная семья писателя Е.Н. Чирикова (все его дети были взрослые) – и вдова Леонида Андреева, Анна Ильинична, с Ниной – молодой, красивой дочерью от первого брака и с тремя детьми-подростками от брака с Андреевым: Верой, Саввой и Валентином [2, с. 111]. Дружить со всей чириковской семьёй Марине было несподручно – очень уж велика и разновозрастна была семья. В гостях у Цветаевой появлялись то Людмила (вскоре уехавшая), то Валентина, то старики. В честь Евгения Николаевича Марина даже пироги пекла, что ей было совсем не свойственно. Чириков, смеясь, называл их «цыганскими пирогами на кофейной гуще» и ел с аппетитом, жена его, Валентина Георгиевна, вежливо спрашивала: «Как вы это готовите?» – и недоверчиво отщипывала кусочек. [2, с. 111–112].

Евгений Николаевич Чириков – известный русский писатель (1864–1932). Его жена Валентина Георгиевна Чирикова, урожд. Григорьева (сценический псевдоним Иолшина; 1874–1966) – драматическая актриса. Супруги вместе с детьми оказались в эмиграции близ Праги. Евгений Николаевич постоянно помогал Марине Цветаевой в её просьбах о продлении писательской стипендии, которую она получала в рамках акции чехословацкого Министерства иностранных дел. Так, в письме к Ольге Елисеевне Колбасиной-Черновой она сообщает, что «Чириков обещал похлопотать о декабрьской ссуде, но, если прошения уже будут поданы в министерство, это не поможет» [СС6, с. 690].

Валентина Евгеньевна Чирикова в своих воспоминаниях «Костёр Марины Цветаевой» писала: «С какими бы людьми Марина Цветаева ни встречалась, она искала в них «вдох животворящ» или сразу относилась к людской гуще. У Цветаевой было два взгляда и две улыбки. Один взгляд – внутри и в суть и – улыбка-разгадка, улыбка мгновенно сотворенному образу. Перед ее взглядом человек представлял внутренне обнаженным: она мгновенно составляла как бы формулу его человеческой сути. Как будто стенографически записывая за жизнью, Цве-

Е.Н. Чириков в своём кабинете с моделью ходившего по Волге парохода «Боярин». 1925

таева мимоходом высказывала вслух свои мысли-формулы: несколько отрывисто брошенных слов, но как много в себе вмещавших! При этом в ее голосе слышался умный смешок и как бы удары молотка, мимоходом забивающего гвоздь там, где нужно... Когда я уезжала из Чехии, она подарила мне на вокзале свой сборник стихов «Ремесло» с такой надписью: «Валентине Евгеньевне Чириковой – моей сестре в болевом, т. е. единственно верном и вечном, – эту, как говорят, радостную книгу, а по мне – совсем не книгу! – от всего сердца. Марина Цветаева.

Прага, 15 октября 1923 г. Вильсоновский (хороший) вокзал».

С творчеством Евгения Николаевича Чирикова Марина была знакома

с детства. Анастасия Цветаева в своих «Воспоминаниях» пишет: «Часто мама, взойдя к нам в детскую, – как мы любили ее приходы, – читала нам рассказы Чехова, Чирикова, Телешова, книжки «Донской речи». Как мы боялись, что у мамы будет мигрень, помещает прийти к нам!» [2, с. 18] (Издательство «Изограф», 1995).

Жизнь и творчество Евгения Николаевича были связаны с Волгой: «До десятилетнего возраста я прожил часть в селах, частью в маленьких городах Казанской и Симбирской губерний, на Волге. Пред моими глазами, с первых моментов пробужденного сознания, развернулась огромная светлая водная дорога, с манящими вдаль синими контурами гор, с безгра-

ничным простором лугового и лесного Заволжья».

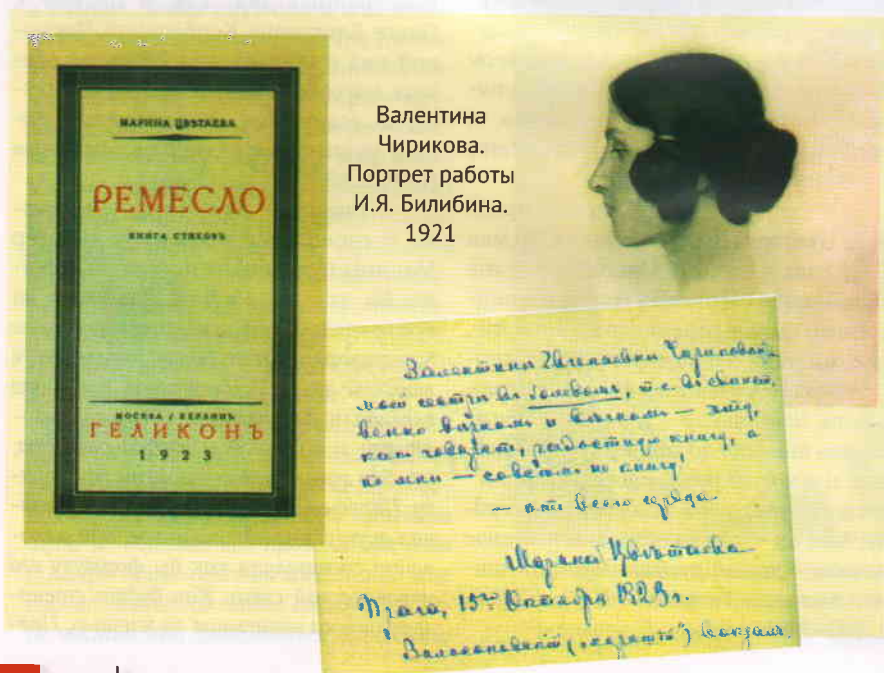
«Волга! Одна из значительнейших рек всего земного шара, величайшая из рек Европы, река – собирательница славянства, прекрасная волшебница, сотворившая из ничего наше поистине сказочное царство-государство с неумирающими до сей поры Иванушками-дурачками, с колдунами, ведунями, оборотнями и всякой чертовщиной и нечистью, воистину наша национальная река, а знаем и любим мы её мало, холодно» [4, с. 224]. / «Волга-сказочница» /

В это предложение Евгений Николаевич Чириков вместил и восторг, и любовь к родной реке, и глубокое сожаление о равнодушии человека к своим национальным святыням. Этот писатель сумел сказать о Волге так много, что дивисься богатству слов, образов, посвящённых родной реке.

«Волга, облитая голубоватым блеском лунного света, словно задремала, околдованная чарами неясных весенних грёз, и тихо, ласково и любовно гладила своими струями и крутой берег, и высокие борта стоявшей на якоре баржи» [4, с. 306]. / «На стоянке» /

«Было яркое весеннее утро, и Волга лениво катила свои глубокие воды, размлев под горячими лучами солнышка. Чистое небо смотрелось в речную зеркальную гладь и сообщало ей нежно-голубоватый оттенок. Жигули блистали яркой зеленью, красиво оттенявшей жёлтые и бурые выступы откосов... Белые чайки реяли в прозрачном воздухе и трепетали над водой крыльями. Даль задрнула голубоватой дымкою, и вся природа улыбалась яркому, горячему солнышку...» [4, с. 314-315]. / «На стоянке» /

«Дача была расположена вблизи Волги. Окружённая густым дубняком, орешником и рябиной, она пряталась в зелёной листве деревьев, едва выглядывая только вершинами крыш двух высоких деревянных зданий. Местоположение её было так живописно, что приезжавшие «на денёк» гости оставались обыкновенно на неделю. Да и в самом деле, стоило только выйти на балкон, чтобы сердце запрыгало от восторга и радости при виде открывающейся картины. Прямо перед глазами – гладкая поверхность Волги сверкает на солнце своею сталью; над рекой поднимаются великаны – зелёные горы, убегающие

Валентина Чирикова. Портрет работы И.Я. Билибина. 1921

...а-то далеко-далеко и пропадающие
в голубой дымке прозрачного весенне-
го воздуха. Кругом – кудрявая зелень:
саванна, взбираясь на гору, поднимает-
ся прохладная зелёная роца. Всё цве-
тёт, благоухает, поёт и радуется...»
[4, с. 219–220]. / «Белая роза» /

Евгений Николаевич был убеж-
ден: «Чтобы узнать, почувствовать
и полюбить великую реку, надо если не
родиться на ней, то хотя бы пожить
рядом её берегов, подойти к ней побли-
же, разглядеть её прошлое и насто-
ящее, воспринять художественно всё
негообразие связанной с нею жизни.
Только тогда начинаешь чувствовать
и понимать мистическую тайну любви
к своей Отчизне, которую так ярко и
ясно отражает Волга-матушка,
выскнувшись большой светлой доро-
жкой через всю Русь...» [4, с. 225–226].
/ «Волга-сказочница» /

Ариадна Эфрон, Аля, бывая в
доме Чириковых, многое подмечала
и понимала, как не хватает писателю
родной Волги, её просторов: «Тоска
жила в комнате Евгения Николаевича,
воплощённая и воплощаемая им – нет,
ее в рукописях: в деревянных модель-
ках волжских пароходов, которые он
выручал на верстаке у окошка, гля-
девшего в самую гущу сада. Комната
была населена пароходами – маленьки-
ми и чуть побольше, баржами – коло-
женками, тихвинками, шитиками,
гусанками; челнами и косными... Тес-
но было волжанину во Вшенорах, мел-
ководно на Бороунке!» [2, с. 212].

Весной 1925 года Игорь Северя-
нин посетил Прагу и провёл в сто-
лице Чехии две недели. Этого оказа-
лось достаточно, чтобы встретиться
со многими известными русски-
ми эмигрантами, прочесть свои сти-
хи на собрании «Скита поэтов», где
присутствовал и Евгений Николаевич
Чириков. Литератор Юрий Шумаков
в статье «Венок волжанам», вспоми-
ная встречи с Игорем Северянином,
писал, что однажды в столовой поэ-
та он увидел модель волжского суда-
ва, которое, конечно, заинтересовало
его. Хозяин дома рассказал ему исто-
рию этого сувенира: «Когда я давал
подарочек в Праге, замечательный
писатель-волжанин Евгений Николае-

Игорь Северянин

вич Чириков – отличный резчик – пре-
поднес мне этот великолепный пода-
рок». (Газета «Ульяновская правда».
12.10.1991).

Этот сувенир и стал поводом для
создания Игорем Северянином сти-
хотворения «Модель парохода (Рабо-
та Е.Н. Чирикова). 1925».

Когда, в прощальных
отблесках янтарен,
Закатный луч
в столовую скользнет,
Он озарит на полке пароход
С названием, близким волгарю:
«Боярин».
Строителю я нежно благодарен,
Сумевшему
среди будничных забот
Найти и время, и любовь, и вот
То самое, чем весь он лучезарен.
Какая точность

в разных мелочах!
Я Волгу узнаю в бородачах,
На палубе стоящих.
Вот священник.
Вот дама из Симбирска.
Взяв лохань,
Выходит повар:
вскоре Астрахань, –
И надо чистить
стерлядей весенних...

Евгений Николаевич подарил
«королю поэтов» свою книгу «Семья»
с надписью: «Милomuдуше Игорю Севе-
рянину с искренним расположением».

В 1934 году Игорь Северянин
издаст в Белграде сборник «Меда-
льоны» (сонеты о писателях и ком-
позиторах), куда войдут имена Цве-
таевой, Чирикова и наших волжан –
Н.М. Карамзина, И.А. Гончарова,
Алексея Толстого.

Переехав в Париж, Марина Цве-
таева очень скучала по Чехии. Воз-
вращаясь из эмиграции в Россию,
она написала 12 июня 1939 года Анне
Антоновне Тесковой: «Дорогая Анна
Антоновна! (Пишу на ладони, пото-
му такой детский почерк.) Громадный
вокзал с зелеными стеклами; страш-
ный зеленый сад – и чего в нем не рас-
тет! – На прощание посидели с Муром,
по старому обычаю, перекрести-
лись на пустое место от иконы (сда-
на в хорошие руки, жила и ездила со
мною с 1918 г<ода> – ну, когда-нибудь
со всем расстанешься: совсем! А это –
урок, чтобы потом – не страшно – и
даже не странно – было...). Кончат-
ся жизнь 17-ти лет. Какая я тогда
была счастливая! А самый счастли-
вый период моей жизни – это – запо-
ните! – Мокропсы и Вшеноры, и еще –
та моя родная гора. <...> Подвезжа-
ем к Руану, где когда-то людская бла-
годарность сожгла Иоанну д'Арк. (А
англичанки 500 лет спустя поставили
ей на том самом месте памятник.) –
Миновали Руан – рачьте далё! – Буду
ждать вестей о всех вас, передайте
мой горячий привет всей семье, желаю
вам всем здоровья, мужества и дол-
гой жизни. <...> До свидания! Сейчас
уже не тяжело, сейчас уже – судьба»
[СС6, с. 479–480].

Сегодня по-особому звучат сло-
ва Марины Цветаевой о том, что
такое Родина, которые заставляют
вновь и вновь обращаться к ее твор-
честву, ее жизни и ее судьбе: «Роди-
на не есть условность территории,
а непреложность памяти и крови, –
писала в 1925 году Марина Цветае-
ва. – Не быть в России, забыть Рос-
сию – может бояться лишь тот, кто
Россию мыслит вне себя. В ком она вну-
три, – тот потеряет её лишь вместе
с жизнью».

Нина Васильева

Литература

- Цветаева М.И., Эфрон С.Я. Нет на земле второго Вас... Проза, сти-
хи, письма: 1911–1925. М., 2007.
Эфрон А. О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери. – М., 1989.
Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. М., 1997.

- Чириков Е.Н. Зверь из бездны. Роман, повести, рассказы, леген-
ды, сказка. СПб. 2000.
Цветаева А.И. Воспоминания. М.,: Издательство «Изограф», 1995.
Цветаева М.И. С/с в 7 т. Т. 6. Письма. М.: Эллис Лак, 1995.
Марина Цветаева. Спасибо за долгую память любви... Письма к
Анне Тесковой. 1922–1939. М.Б: Русский путь, 2009.